

Международные русско-китайские съезды на границе

Клара Хафизова, доктор исторических наук, профессор-китаевед

На международные съезды, проводимые Российской и Цинской империями в конце XIX – первом десятилетии XX веков, я обратила внимание во время работы по другим научным темам в Центральном архиве КазССР и опубликовала статью в 1990 г. Кроме архивных материалов, в то время в моем распоряжении не было специальных исследований по съездам, были лишь отдельные высказывания на страницах трудов русских дореволюционных ученых. Через четыре года статья была опубликована в журнале Центра исследования истории и географии Китая Академии общественных наук КНР. С тех пор на пространстве бывшего Советского Союза появились лишь три небольшие статьи, одна из них написана молодым юристом А. Иржановым, специализирующимся на международном праве, в соавторстве со мной.

В данной статье сделана попытка обобщить новые материалы за 20 лет и постараться раскрыть те проблемы, которые были недостаточно освещены ранее.

1. На основе таблицы съездов, впервые составленной проф. Ли Шэном, постараться создать более полную таблицу, дополнив их фактами из фондов наших архивов.
2. Отметить роль обычного права кочевников на международной арене, причины его выбора империями.
3. Выявить преимущества и недостатки текстов Ереже в практическом их применении на международных съездах.
4. Выявить тенденцию развития отбора пунктов из обычного права на международные съезды и показать главные отличия судопроизводства на международных съездах, организованных и проводимых пограничной администрацией держав.
5. Как можно полнее выявить имена судей (би и агалыкшы) – представителей пограничных народов и составить указатель имен лиц, причастных к организации, проведению и подведению итогов съездов.
6. Уточнить сроки и местности, где проводились съезды.

У казахов в конце XIX века все еще действовало традиционное обычное право, освященное веками. В нем были отражены, правда, несколько непоследовательно, все стороны быта казахов, наказания и поощрения, вытекающие из их политической и экономической жизни. Наиболее распространенными были «Жеті жарғы» (Семь установлений). Здесь не были обособлены гражданские и уголовные преступления, а тем более так называемые «политические» и относящиеся к международному праву. Законы применялись, преимущественно, в повседневном быту. Важные внешнеполитические дела решались на народных собраниях в пределах власти феодала, старшины аула и на созываемых ханом, султаном (тайджи) советах с участием влиятельных правителей при большом скоплении народа. Одновременно, но более всего, на юге Казахстана, Западном и Восточном Туркестане действовало мусульманское право – шариат, по нему суды производили религиозные деятели – кази (муллы, ахуны). Суд по шариату вершили специально обученные деятели духовенства. Судьи опирались в своих решениях на соответствующие суры из Корана. «Светская» власть, не прочно и не четко, но все же была отделена от судебной. А на основании традиционного права, статьи которого веками запоминались устно, судебные разбирательства производили би. Тем не менее, клятвы при дознаниях и принятии решения биев к исполнению также заканчивались целованием Корана, и прикладыванием его к темени. Все чаще этот процесс проходил при участии мулл или умудренных жизненным опытом авторитетных в роде аксакалов. Затем нередко суды и собрания завершались жертвоприношениями скотом, специально подобранным по масти или определенным отметинам. К своим рукам стремились прибрать судейства ханы и султаны (тайджи).

В связи с колонизацией, на западе и севере Казахстана все больше действовали русские законы. На их основании появились такие наказания, как ссылка в Сибирь, в край, где запрягали собак (Ит жеккен жер). Откочевки султан, старшин в пределы другого государства стали относить к весьма тяжким преступлениям, их квалифицировали как государственное предательство, и дела по ним решал военный суд. При откочевках совершались угоны скота, людей, происходили стычки и убийства. В погоне за беглецами отправлялись отряды правителей и отбивали родичей и скот. Если же не удавалось отбить, организовывали ответные набеги. При этом, казахские кочевники продолжали действовать привычно и после территориального разграничения между Россией и Китаем. Процесс разграничения задерживался в связи с неустойчивостью власти Пекина над Илийским краем, а также его полной потерей вследствие народных восстаний на окраинах и во Внутреннем Китае. Возникли новые дела, накапливались старые незавершенные уголовные и гражданские дела. Водворение мигрантов на территории соседнего государства также проходило с нарушением законов и в столкновениях с другими народами. С заключением русско-китайских договоров и

дополнительных к ним протоколов, казахи на территории от Аягуза до Кобдо, Тарбагатая и Кульджи оказались в тяжелейшем экономическом положении. Они теряли сезонные кочевья и традиционные кочевые маршруты. Занятие казахами земель с середины XIX строго контролировалось пограничными властями Российской и Цинской империй. Казахская феодальная верхушка навсегда потеряла право на распределение кочевий, пастбищ, горных проходов и водных переправ. Кроме того, казахи находились под угрозой разрыва этнических связей между родами и родственными их ответвлениями. А власть феодалов и старшин опиралась на определенный род и родовые союзы, поэтому они болезненно воспринимали их раздел между государствами.

Казахские кочевники наказывались также по законам соседних стран, если совершали незаконные действия на их территории. Пограничная администрация Цинской империи требовала передачи в их руки конокрадов и, добившись этого, судила их на основании закона, выработанного Палатой по делам зависимых земель для монголов – Лифаньюань цзэли. Особенно жестоко проводились дознания по делам о краже скота с казенных конных заводов и почтовых станций. Обстановка на границе толкала людей на создание шаек, которые орудовали по обе стороны плохо охраняемой границы. Им покровительствовали немногочисленные султаны. Керей, к примеру, однажды угнали двести голов коней из табуна самого Тарбагатайского наместника (хэбе-амбана).

Обычное право казахов легло в юридическую основу русско-китайских международных съездов на новой границе, организованных и контролируемых пограничными администрациями двух держав. Это было направлено на юридическое и фактическое закрепление произошедшего раздела территорий и сфер влияния Российской и Цинской империй в Центральной Азии в конце XIX – начале XX века.

Съезды проводились в урочище Чубар-Агач, находящемся между Семипалатинской областью Степного края и Тарбагатайским округом Илийского генерал-губернаторства, в 12 верстах (1 верста составляет 1.0668 км) от Бахты. В местности находились кочевья и пашни подданных как Российской, так и Цинской империй. В силу обстоятельств, например, наступления холодов, они иногда переносились в город Чугучак (Тачэнь).

Кегенские съезды проводились также на границе между русским и китайским Хоргосом на берегу одноименной реки близ таранчинского поселения Мазар на китайской стороне. Поэтому представителям российской стороны выдавались специальные билеты на проезд на место проведения съезда. Но казахи не хотели мириться с этими ограничениями, пытались навестить родственников в других местах и городах. А два Кашгарских съезда проводились близ города в местностях Кызмайлак и Кашык.

Для чрезвычайных международных русско-китайских съездов местной администрацией двух государств были обсуждены и приняты специальные Правила (Ереже), которые сохранились в ЦГА РК. В Китае также обнаружили тексты Правил этих международных съездов. Последний его вариант был разработан для съезда в Чубар-Агаче в 1908 г.

Правила (Ереже) подготавливали чиновники Канцелярии Степного генерал-губернатора, русские консулы в Тарбагатае, Кульдже. Они направлялись в канцелярию Тарбагатайского хэбэй-амбана, Кульджинского генерал-губернатора для согласования. Перед проведением каждого съезда они рассматривались обеими сторонами заново и без изменения или с незначительными поправками принимались, затем правила переводили на русский, казахский, уйгурский, монгольский, маньчжурский и китайский языки. Для первого Чубар-Агачского съезда вначале было предложено всего 13 пунктов Ереже, но затем после добавлений китайской стороны и совместных поправок, их получилось 39. На съезде 1908 г. число пунктов Ереже выросло до 46. Поправки касались большей частью процедурных сторон, были направлены на точность исполнения решений, выплат и штрафов. Это свидетельствует о влиянии русской и китайской юриспруденции. Пересмотры дела и апелляция решений не предусматривалась. Изменения чаще касались размеров штрафов и возмещения за ущерб, которые были предметом споров. Так как цены на скот по обе стороны границы не сходились, они были разными и в округах одной страны. На международных рынках Синьцзяна стоимость скота также менялась в связи с конкретным состоянием животноводства, а также природными и политическими катаклизмами. Не менее чем на двух языках: чаще – на казахском (написанном арабским алфавитом) и маньчжурском языке Ереже вывешивались на палатке или юрте на месте собрания. Иногда судебные дела вершились одновременно в двух юртах.

В разбор съездов включались лишь гражданские и уголовные дела, накопившиеся за несколько лет. Главным образом, это была барымта в самом ее широком смысле и со всеми ее последствиями. Поэтому число статей Ереже было ограниченным и достаточно простым. Они не предусматривали подробное судебное расследование, а также принятие репрессивных мер, к примеру, ссылку, тюремное заключение и тем более – казнь. Судьи обеих сторон констатировали нарушение закона. Им было достаточно его признания обвинителями, ответчиками и свидетелями, согласия на возмещение ущерба (куна и айып) и его размера. Плата за убийство (кун) для знатного человека и мужчины была выше, чем, соответственно, для простого пастуха и женщину. Дела, связанные с вдовами (жесір, амангерство), решались в пользу вдовы и вдов, так как у казахов было нередко многоженство.

Отличие съезда от суда биев заключалось в том, что с годами судящиеся люди предпочитали выплату не скотом, а деньгами, в зависимости от его курса в Кульдже, Кашгаре и Тарбагатае. А курс этот выводился на основании цены на верблюда, коня, овцы и рогатого скота. В отношении казахов суд присуждал выплату

определенным количеством скота, но его можно было возместить деньгами. В среднем, в то время один лян серебра равнялся 6 рублям. С годами тенденция шла к увеличению суммы куна и айыпа.

Списки исков составлялись обеими сторонами на одном из тюркских языков и на маньчжурском языке, как наиболее точно передающими имена, названия местностей и казахские юридические термины.

Всего было проведено, по одним данным, – 19 съездов, по другим – меньше. Редко получалось, чтобы съезды собирались своевременно. Предварительно было договорено проводить их два раза в год – осенью и весной, потом – один раз в год, позже – один раз в три года. Но по многим причинам внешнего и внутреннего порядка они проводились с неодинаковыми перерывами, в том числе приходилось прерывать работу и самого съезда. Это не считая малых по масштабам съездов, проводившихся консульством России в Чугучаке до 1782 г. Именно опыт этих съездов послужил основой для проведения масштабных Тарбагатайских и Кегенских чрезвычайных съездов. Между тем, китайская сторона обвиняла консульство в том, что оно применяет легкие меры наказания в виде небольших штрафов. Консульства охотно передавали на решение суда биев вопросы раздела имущества, наследства.

После заключения Тарбагатайского протокола 1864 г. в Чугучаке открылось русское консульство. В округе и в самом городе Чугучаке осело большое число казахов, а также торговцев из татар и выходцев из Средней Азии (в русских документах их называют сартами). Во время дунганского мятежа купцы свободно выезжали сюда из Семипалатинска и других городов Сибири без выписки паспортов. Они обращались за судом к консулам. Примечательно, что во время антицинского мятежа мусульман, дунгане выезжали в Мекку на хадж через Семиречье. Хотя русское правительство не признавало образовавшихся трех исламских государств на территории Синьцзяна.

В связи с завоеванием Туркестанского края Россией и занятие Россией Кульджинского края, купцы механически был причислены к подданным России. Часть их проживало в русских городах, а часть – в Чугучаке. В связи с разграничением территории на границе с Тарбагатайским, Алтайским и Кобдинским округами Цинской империи, торговцы должны были выбрать китайское или русское подданство. Консульство выдавало им временно билеты, чтобы после окончательного перехода в русское подданство они выбрали место прописки в пограничном городе Бахты или по своему желанию в какую-либо казахскую волость. С согласия цинских властей консульству был отведен большой участок земли в Чугучаке, на котором селились русские и татарские купцы, они строили здесь дома, лавки и склады. Все возникающие между ними тяжбы разбирал консул с помощью авторитетных торговых старшин (аксакалов). Среди торговцев были казахи, занимавшиеся мелкой торговлей и поденной работой. МИД РИ рекомендовал проводить разборы дел между всеми на основе шариата или обычного права казахов, поскольку российские законы совершенно не подходили к особенностям торговых обычаев мусульман. Таким образом, консульская юрисдикция носила в Западном Китае ограниченный характер. Разбор дел консульством вызывал большое недовольство китайской стороны, особенно, если их подданные были замешаны в гражданских и уголовных делах с русскоподданными. Они, естественно, не должны были судиться под главенством русского консула. Кроме того, цинская сторона стремилась обложить налогами казахов, временно кочующих на территориях, которые отошли к Цинской империи, а также проживающих в городах мусульманских купцов России. Среди казахов увеличились случаи барымты и самосуда. Этого не гнушались и цинские чиновники, под видом сбора накопившихся у казахов долгов, они насильственно изымали скот у казахов. Все это, вместе с самовольными переходами кочевниками границы, вызывало нежелательные осложнения в русско-китайских отношениях.

Казахских кочевников по обе стороны границы охватило чувство неустойчивости. И царские чиновники замечали, что их откочевки были вызваны экономическими причинами – недостатком летовок и зимовок. Миграции на границе стали массовыми после заключения русско-китайского Петербургского договора 1881 года. Причем население больше вытекало в сторону Восточного Туркестана и Монголии. Это объяснялось тем, что после отложения от Китая правители государств (султанатов) приглашали единоверцев занять пограничные территории, с конца 2-й половины XVIII века, отведенные ранее цинским правительством для гарнизонов солон, сибо, ойратов и чахаров. Власть Пекина не действовала на территории, соседней Казахстану, Кыргызстану с 1864 г. Кроме того, Илийский край был временно на 10 лет оккупирован Россией с августа 1871 г. После возвращения края Китаю через 11 лет, казахи должны были выбрать подданство одной из стран. С 1882 г. началось восстановление власти Китая над регионом, но еще было далеко до его новой колонизации ханьцами. И тюркские, и монгольские кочевники спешили занять пастбища, богатые травой и водой. А родоплеменные вожди, стремились собрать под свою руку родственные поколения по обе стороны новой границы. Дестабилизация на границе не была в интересах Российской и Цинской империй. Они видели необходимость созыва международных съездов для водворения спокойствия и обложения налогами определенными в выборе подданства людей. Оставляя за собой право распоряжаться территориями народов Центральной Азии, они стремились водворить спокойствие среди них путем привлечения их представителей в разбор судебных дел, возникших после раздела их территорий. Тем более, что они были поставлены перед фактом реального и безвозвратного территориального разграничения, проводившегося без их согласия и без их участия. Эти предводители получали должности от властей.

Судьями назначались с русской стороны волостные правители Верненского, Джаркентского, Копальского, Лепсинского, Эмельского и других волостей Сергиопольского (Аягузского) уезда. С

китайской стороны – также старшины, управляющие коленами родов. Число людей, подвластных старшинам, было разным. Наиболее сильным и многочисленным по обе стороны границы были род керей Среднего жуза и род дулат (преимущественно албаны и суаны) Старшего жуза. В Китае их старшины и султаны назначались начальниками десяти (ши ху чжан), сотни (юзбаши, бай ху чжан) и тысячи (мингбаши, цянь ху чжан) юртовладельцев. Фактически, российские волостные и казахские главы-старшины являлись служащими своих стран на местном жалованьи. Китайские представители снабжались большими квадратными печатями. С русской стороны – расписывались на решении, если были грамотными, если нет – прикладывали большой палец к бумаге, предварительно обмакнув их в чернила. Официальные представители властей имели печати с именами, вырезанными на русском языке и арабским письмом, а цинские – на маньчжурском и китайском языках. Надзор над работой съездов вели русские консулы и цинские чиновники, но они, как правило, не вмешивались в работу суда. Канцеляристы-писари и переводчики заполняли журнал с названием дел и вынесенными по ним решениями.

Генерал-губернаторы назначали председателями съездов своих чиновников по особым поручениям, чиновников особых поручений по китайским делам, чиновников по заграничным делам, по делам с туземцами. С китайской стороны – это также соответствующие чиновники из отдела канцелярии, специально ведающего зарубежными делами (инъучу) Илийского генерал-губернатора (цзянцзюнь), помощники цзянцзюня (Или баньши дачэнь), чиновники канцелярии Тарбагатайского хэбе-амбана (цанцзань дачэнь), ведающие иностранными делами, члены комитета по делам казахов (Чэнбань ха ижэнь вэйюаньхуй).

Упомянуты два султана, Мамырбек – потомок султана Абулфеиза (ум. не позже 12 октября 1783 г.). Многочисленные потомки этого султана правили казахами Тарбагатайского, Алтайского – в Синьцзяне и Кобдинского округов – в Западной Монголии вплоть до образования КНР. А на Кегенском съезде упомянут султан албанов и кызаев (Старший жуз) Худайменде. Его родословная точно неизвестна, но султанами этих родов в XIX веке были потомки ханов Жолбарыса (уб. в 1740 г.) и Абылая (ум. в 1780 г.). А сын султана Адамсарта этого жуза по имени Асылбек в 1889 г. сам руководил отрядами по угону скота из Синьцзяна, т. е. занимался барымтой.

Для казахов любые народные собрания являются праздниками, в том числе и годовые поминки по известным людям. Не исключением были и чрезвычайные международные съезды. Особенно отличился тайджи кереев Мамырбек, в 1906 г. заколовший жертвенных животных белой масти (береке төлеу) за достигнутое без судебного разбирательства миролюбивое соглашение между русскоподданными и китайскоподданными казахами. В 1886 г. начальник Джаркентского участка в рапорте отметил: «Наши киргизы (казахи. – К. Х.) пришли между собою к соглашению, которое и закрепили с обеих сторон обычным порядком (батой, бата – благословение с молитвой). После сего надо было надеяться, что дела пойдут успешно, т. к. кровь священных животных, зарезанных с обеих сторон, обязывает народ к признаниям по совести и устраняла для биев перспективу продолжительных, но всегда бесполезных криков и споров» [Ф. 64, оп. 1, д. 5170, л. 57].

Русские и китайские цифры исков иногда не совпадают. Это по-видимому, вызвано тем, что одни указывали общее число исков, а другие – фактически решенных дел или общую сумму полученных в результате выигранных в пользу исков своих подданных. Некоторые из ответчиков, свидетелей по разным причинам не являлись на съезд, но это мало кого из пограничных чиновников волновало. Главное, «очистить дела», так как их число указывается от 76 до свыше 7 тысяч дел. Съезд 1906 г. в Тарбагатае фактически сорвался из-за неявки ответчиков с китайской стороны. Он подвергся обструкции тарбагатайских властей в связи с откочевкой 1500 байжигитов в Зайсанский уезд.

Съезды помогали пониманию психологии, быта, обычаев многочисленных народов. Это было направлено на успешное осуществление колониальной политики, ликвидацию прав народов на их исконные земли и ослабления положения их правителей. Примечательно, что казахское обычное право приобрело на время статус международного права, признаваемого правительствами двух держав в течение 1864–1911 гг.

Несмотря на все свои недостатки, международные съезды способствовали уменьшению числа пограничных инцидентов, способствовали утверждению порядка среди многонациональных народов и стабилизации в пограничных районах. Они внесли вклад в развитие торгово-экономических связей между государствами и их окраинами, в нормализацию русско-китайских отношений после затянувшегося процесса установления границы.

Литература

1. Богдавленский Н. Я. Западный застенный Китай: его прошлое, настоящее состояние и положение в нем русских подданных. СПб, 1906, 424 с.

2. Қазақтардын Шыңжаң және моңғол жерлеріне қоныс аудару тарихына байланысты қытай мұрағат құжаттары. Аударған және түсіндірмелерін жазған Бахыт Еженхан, Жанымхан Ошан, Мұрат Қаламқазез. (Китайские архивные документы по истории перекочевок казахов в Синьцзян и Монголию. Перевод и комментарий – Бахыт Еженхан, Жанымхан Ошана и Мурат Каламқазез). Алматы, 2008, 276 бет.

3. Ли Шэн. Хасакэсытань цзи ци юй Чжунго Синьцзянды гуаньси (XVI шицзи – XX шицзи чжунци) Казахстан и его отношения с китайским Синьцзяном (XVI – середина XX вв.). Харбин: Хэйлунцзян цзяоюй чубаньшэ. 2004, 416 с.

4. Ли Шэн. Қазақстан мен Синьцзян тұрғындар арасында өткен съездер. Мировые цивилизации и Казахстан. Отв. ред. К. Ш. Хафизова. Материалы научной конференции «Казахстан – перекресток взаимодействия цивилизаций». Алматы: Университет Кайнар, 5-9 июля 2007 г. Алматы, 2007, с. 95–104.
5. Ло Чжипин, Бай Цуйцин. Первое исследование казахского права. «Миньцзу яньцзю», 1988, № 6, с. 49-61.
6. Маньцзу да цыдянь (Маньчжуры. Энциклопедия). Шэньян: Ляонин дасюэ чубаньшэ, 1990, 989 с.
7. Моисеев В. А. Новые данные о международных съездах на русско-китайской границе в Центральной Азии в 80-х годах XIX – начале XX вв. Центральная Азия и Сибирь: Первые научные чтения памяти Е. М. Залкинда: материалы конференции. Под ред. В. М. Моисеева. Барнаул: Изд-во «Азбука», 2003, с. 167–171.
8. Моисеев В. А. Новый памятник обычного права казахов. «Эреже» международного съезда 1908 года в Чубар (Агаче). Восточный архив. № 11-12, 2004, с. 107–112.
9. Хафизова К. Ш. Международные съезды как новая форма регулирования отношений между Россией и Китаем во второй половине XIX в. Из истории международных отношений Центральной Азии. Алма-Ата: «Гылым», 1990, с. 153–176; на кит.яз.см. ж. «Чжунго бяньцзян ши ди яньцзю» (История и география пограничных районов Китая). № 2, 1994, с. 69–81.
10. Хафизова К. Ш., соавтор Иржанов А. С. Эреже как одна из форм регулирования отношений между русскими и китайскими поданными. Вестник Университета Кайнар, № 4, 1999, с. 3–9.
11. ЦГА РК, ф. И-44, оп. 1, д. 37303.
12. ЦГА РК, ф. 64. оп. 1, д. 37.
13. ЦГА РК, ф. 64. оп. 1, д. 1330.
14. ЦГА РК, ф. 64. оп. 1, д. 1532.
15. ЦГА РК, ф. 64. оп. 1, д. 37661.
16. ЦГА РК, ф. 64. оп. 1, д. 5094.
17. ЦГА РК, ф. 64. оп. 1, д. 5146.
18. ЦГА РК, ф. 64. оп. 1, д. 5117.
19. ЦГА РК, ф. 64. оп. 1, д. 5170.
20. «Цин шилу» Синьцзян цзыляо цзилу Гуансюй, Сюаньтун чао цзюань (Материалы «Цин шилу» о Синьцзяне периодов правления Гуансюй и Сюаньтун). Урумчи: Издательство Синьцзянского университета, 2003, 548 с.